Комсомольская правда. — 1994 — 23 нояб. — с.8

Николай Губенко:

Вышли мы все из котельной...

Коля Губенко, воспитанник детдома, случайно попал на сцену. Потом неожиданно с первого же захода поступил во ВГИК, попал в Театр на Таганке. Наконец, удивив многих, Николай Николаевич вошел в историю и как последний министр культуры некогда великой страны.

Сегодня он руководитель театра «Содружество актеров Таганки». Со своим учителем Юрием Любимовым, мягко говоря, не в очень хороших отношениях. Жизнь богата на парадоксы и сюрпризы.

— Николай Николаевич, вы действительно мечтали об актерской карьере с детства?

— Мне было не до театра. Я родился в августе 41-го, а отец ушел на фронт во второй день войны. Его я так и не увидел. Мать повесили в оккупированной Одессе, когда мне было одиннадцать месяцев. Воспитывался в детском доме. Доступ к культуре ограничивался кинематографом по субботам. Да и этого удовольствия лишали за любую провинность.

— Как же вдруг удалось поступить во ВГИК?

— Начинал я рабочим сцены в Одесском ТЮЗе. Как-то заболел один из артистов, и меня попросили его заменить. Стал понемногу приобщаться к актерской деятельности. Во ВГИК же попал случайно — приехал в Москву поступать в театральный вуз, но ни о сроках, ни об условиях не знал, да и наборы уже закончились.

— Что же помогло: хорошие актерские данные или провинциальная самоуверенность?

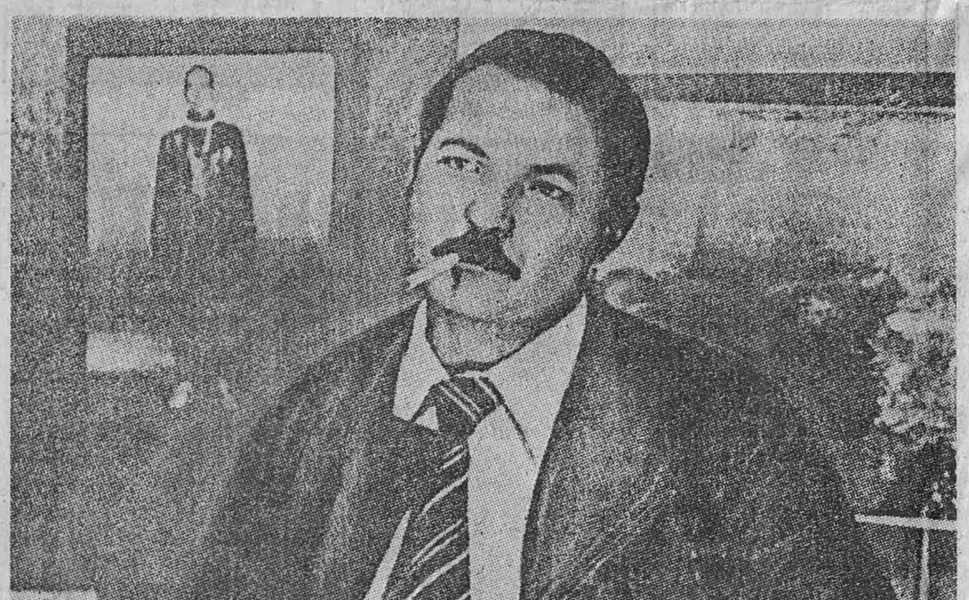
— Думаю, в моем поступлении было пятьдесят процентов удачи и пятьдесят провинциальной необычности. Я приехал в одолженном клифте, в узких брюках-дудочках с огромным манжетом, вел себя достаточно свободно, а на вступительных экзаменах пел под гитару одесские блатные песни.

— В кино вы дебютировали еще на втором курсе — и сразу в замечательной картине Марлена Хуциева «Мне двадцать лет». Как это произошло?

— Марлен Мартынович увидел меня на курсе в шиллеровских разбойниках и сразу пригласил на съемки. Картину прославил Хрущев, причислив ее в своем знаменитом обзоре культуры к абстракционистским измышлениям. Честно говоря, картина была хорошей, а я в ней — не очень.

— Сценарий к фильму написал Геннадий Шпаликов, вы знали его хорошо?

— Да, мы сильно сблизились. Он был нежным, ласковым и очень-очень одиноким человеком. С этим страшным одиночеством он, к сожалению, не справился. Чтобы понять, до какой степени была чиста и прозрачна душа Шпаликова, достаточно почитать его стихи.



Николай Губенко в фильме «Прошу слова».

— После ВГИКа вы попали в Театр на Таганке и сразу стали там одним из ведущих актеров...

— На Таганку я попал случайно — Любимов увидел меня в дипломном спектакле и предложил роль летчика в «Добром человеке из Сезуана». Актером Таганки я стал еще за два месяца до окончания института.

Нагрузка была жуткая. Играть приходилось по 35 спектаклей в месяц плюс утренние репетиции. Через четыре года мне захотелось попробовать себя в кинематографе. Я снялся в картинах «Пароль не нужен» и «Директор», а параллельно учился у того же Герасимова на режиссерском факультете. Да и о жилье пришла пора подумать, не мог же я всю жизнь обитать в котельной.

— ?..

— Я ведь не москвич, и своего угла у меня не было. Представьте себе, что два ведущих актера театра — я и Зина Славина, она рижанка,— жили через ситцевую занавесочку в котельной с земляным полом. Правда, когда я уходил, мои жилищные условия были чуть получше — после операции аппендицита меня перевели в партком. Там было несравненно уютнее, а главное, стоял мягкий черный диван.

— Юрий Петрович отпустил вас без проблем?

— Любимов упорно не хотел вводить на мои роли второй состав, я играл без замен, но в конце сезона 68-го года поставил его перед фактом. Все мои роли, кроме Пугачева, передали молодому Высоцкому.

— Ваш первый фильм «Пришел солдат с фронта» стал неординарным событием. Василий Шукшин написал сценарий специально для вас?

— Я прочитал повесть Антонова «Разорванный рубль» и вычленил из нее оригинальный сюжет. На него попросил Василия Макаровича написать сценарий.

— Кем был Шукшин в вашей жизни?

— Мы были очень близкими людьми. Я мог часами сидеть в его двухкомнатной квартире в Свиблове и слушать, как он размышляет о жизни. Он снимался в моей картине «Если хочешь быть счастливым», я мечтал показать ему «Подранки», но не успел — когда мы снимались в фильме «Они сражались за Родину», Василия Макаровича не стало.

— Почему вы ничего не написали о нем?

— Несколько раз порывался, но не получалось. В последнее время появилось много слухов, что Шукшина убили. Чушь это абсолютная. Фильм «Они сражались за Родину» снимался на Дону. Жили мы на шикарном трехпалубном корабле. В этот день я, Жора Бурков и Василий Макарович поехали за 17 километров в хутор Клецкое попариться в бане и посмотреть телевизор у знакомого кинопрокатчика. Но баня не пошла. Шукшин вышел через двадцать минут, а париться он очень любил. На корабль вернулись в час ночи. В пять утра Бурков встретил Шукшина на верхней палубе — он жаловался на сердце. Врач уехала на свадьбу, и Шукшин пошел спать.

Утром он лежал, как ребенок: две ладошки под щекой, а щека уже мраморная... Говорят еще, что ускорило его смерть кофе. Они с Бурковым действительно кофеинили по утрам — в литровую банку высыпалась пачка кофе, заваривалась и выпивалась на завтрак. И так по нескольку раз в день. Но после вскрытия в Волгограде врачи однозначно сказали, что если бы Шукшин не пил столько кофе, то скончался бы гораздо раньше. Сердце у него было дряхлое, как у девяностолетнего старика.

А потом мы везли гроб в транспортном самолете. Он болтался на веревках в багажном отделении. Бондарчук, Юсов и я сидели в пилотской кабине. Нас трясло, как в лихорадке, и мы пытались заглушить это алкоголем. Не получалось.

Никто не написал, как в Склифе с Василия Макаровича снимали маску. Была потрясающая солнечная осень, и когда его подняли из холодильника, на его лице выступили капельки пота. А в зале, где снимали маску, стояло огромное количество клеток с попугаями и ходили толстые собаки, которые, оказывается, являются непременной принадлежностью заведений подобного рода.

Никто не написал, как Толя Заболоцкий просил скульптора снять слепок с руки Шукшина (у него были потрясающие крестьянские мощные, жилистые, костлявые руки). А скульптор говорил, что она замерзла и это невозможно. Тогда Толя отогрел ее своим дыханием, чтобы она обрела форму.

Я считаю, что те люди, которые выступали на панихиде, как раз и способствовали его смерти... Не называю имен, но я был на нескольких худсоветах по «Степану Разину» и слышал, как они же вменяли ему ошибочные взгляды. Я думаю, что прикосновение к памяти таких близких для меня людей, как Шукшин и Высоцкий, не терпит бумажного изложения, об этом я могу только рассказывать. А расписывать о своей причастности к ним как-то неловко.

— Давайте вернемся к вашему творчеству. Считаете ли вы свой второй фильм «Если хочешь быть счастливым» неудачей?

— За картину я получил престижную первую категорию. Там есть замечательный эпизод Шукшина, но картину я действительно считаю неудачной. Сам же первым об этом и сказал председателю Госкино Ермашу. Он пообещал «исправить ошибки» и дать моей следующей картине вторую категорию.

— И что же — «Подранки» получили на категорию ниже?

— Да нет, дали первую. «Подранки» представлял советский кинематограф в Канах. Нам гарантировали, что успеха у нее не будет, но когда мы в восемь утра пришли на просмотр для прессы, то обнаружили битком набитый зал и сидящих на полу в проходах иностранных журналистов... А потом были восторженные оценки в прессе! Картина даже претендовала на главный приз.

— Но потом вы вновь возвратились в Театр на Таганке. Неужели исчерпали себя в кино?

— Нет, после «Подранков» были фильмы «Из жизни отдыхающих», «Запретная зона», «И жизнь, и слезы, и любовь». Но умер Высоцкий — кто мог войти в спектакли вместо него? Юрий Петрович Любимов, как-то встретив меня, поинтересовался, не могу ли я вернуться.

— Насколько мне известно, с Юрием Петровичем у вас всегда были самые добрые отношения...

— Не то слово. Кто знает о том, что после долгого отсутствия на родине Любимов впервые приехал в 1988 году ко мне в гости по частному приглашению? Вопрос, выдавать ему визу или нет, рассматривался на заседании Политбюро. Шесть голосов было подано за, шесть — против, и только голосом Горбачева вопрос решился положительно. Десять дней он был моим гостем, осмотрелся и решил возвращаться. Но чтобы ему вернули гражданство, мне пришлось убеждать и Яковлева, и Лукьянова, и Горбачева. А ведь я тогда еще не был министром культуры.

— Какие отношения с Юрием Петровичем у вас сегодня?

— Да никаких. Я пытался сначала поговорить с ним, решить спорные вопросы лицом к лицу, но у него желания общаться не было.

— Несколько слов о вашей деятельности в качестве министра культуры.

— Я очень хочу вернуться в кинематограф и снять комедию «Как я был министром». Вернее, трагикомедию. Почти каждое утро у министра уходит на панихиду, а вечер — на торжества.

— После соловьевской «Чайки» о «Содружестве актеров Таганки» наконец-то заговорили в творческом ключе, но начался новый сезон, а ваша площадка до сих пор простаивает. В чем причина?

— Сейчас заканчиваем репетицию спектакля «Белые столбы» по Салтыкову-Щедрину, по сценарию, написанному мною и Леонидом Филатовым шесть лет назад. Надеемся показать премьеру в конце ноября. Есть договоренность с Сергеем Соловьевым — он хочет отойти от Чехова и поставить «Идиота».

— Если можно, два слова о вашей семье.

— У меня потрясающая жена — Жанна Болотова. Мы учились на одном курсе во ВГИКе. Мы вместе почти тридцать лет, она моя главная поддержка. Без нее я не мыслю свою жизнь — она у меня одна...

Беседовал
Алексей БЕЛЫЙ.